Джингл-Ко

Макс Фрай

SHOUT
SHARE
IT

- Макс Фрай
  - Джингл-Ко

Макс Фрай

Джингл-Ко

— Когда в прошлом году ты наотрез отказался изучать право и, вопреки здравому смыслу и нашим с мамой советам, все-таки поступил в этот свой дурацкий дизайнерский колледж… — брезгливо поджав губы, говорил мистер Джи Кей Бринкин.

«Бу-бу-бу, — думал Артур, — бу-бу-бу. Бу-бу! Бу-бу-бу-бу-бу». Такой, с позволения сказать, синхронный перевод всегда развлекал и поддерживал его в ходе переговоров с отцом.

Сейчас Артур страшно жалел, что принял приглашение родителей и приехал на каникулы домой. «Хорошо, что еще не разобрал рюкзак, — думал он. — По крайней мере, собирать не придется. А на что я, собственно, рассчитывал? Что этот зануда внезапно познал Дао и вызвал меня, желая срочно передать наследнику сей мистический опыт?… Ладно, ладно, сам дурак, больше не повторится, а теперь надо рвать отсюда когти. И пусть сладкий папочка поцелует мою сладкую задницу; сладкая мамочка может присоединиться, если пожелает.

— …я наконец-то понял, что с тобой вполне можно иметь дело, — неожиданно закончил отец. — По крайней мере, ты не из тех никчемных простофиль, которые в восемнадцать лет продолжают слушаться родителей. Приятный сюрприз.

— Чего? — изумленно переспросил Артур. Он ушам своим не верил. — Это ты меня хвалишь?

— Можешь считать, что хвалю, — ухмыльнулся мистер Бринкин. — А может быть просто дразню. Я пока сам не решил.

Такой улыбки, жизнерадостной и недоброй одновременно, Артур никогда прежде не видел, даже в кино. И уж тем более не на отцовской физиономии, выражение которой на его памяти менялось всего несколько раз, причем исключительно с бесстрастного на недовольное.

— Мне, видишь ли, до одного места, где ты учишься и кем собираешься стать, — говорил отец. — Конечно, дизайнеров сейчас развелось больше, чем мусора, из которого вы мастерите свои нелепые поделки, но меня это не касается. Твои проблемы. Я рад, что ты проявил упрямство, уехал из дома и поступил в этот свой колледж. Как ты зарабатывал на жизнь и учебу, я не знаю и знать не хочу, главное, что у меня не клянчил. Я думал, такие самостоятельные дети теперь исключительно в книжках встречаются… Ладно, а теперь давай поговорим откровенно. Вот ты проучился там целый год. Тебе по-прежнему кажется, что промышленный дизайн — это интересно? Хочешь заниматься этим дальше?

— Ну да, — буркнул Артур. — А то бы я бросил. У нас, знаешь ли, не принято преследовать отступников.

— Надо же, — пожал плечами мистер Бринкин. — Ну хорошо. Какие-то способности к этому делу у тебя, насколько я могу судить, есть, желание тоже, даже характер, как выяснилось, имеется. Сейчас проверим, есть ли у тебя удача. Без нее все остальное псу под хвост, такую уж дурацкую профессию ты выбрал.

— Вот интересно. А как это мы проверим? — Опешил Артур.

— Как, как… Разрежем тебя и посмотрим. Ну что ты на меня так уставился? Шучу я, шучу. Есть и другие способы.

Отец немного повозился с сейфом и извлек оттуда старую деревянную шкатулку. Поставил на стол, открыл. В шкатулке лежали игральные кости, несколько дюжин кубиков разных цветов и размеров.

— Выбирай сам, — сказал он. — Пару для себя, пару для меня.

Артур глядел на содержимое шкатулки, как зачарованный. Кто бы мог подумать, что в отцовском сейфе хранятся такие занятные штуки.

— Вот я, к примеру, очень везучий, — говорил тем временем мистер Бринкин. — Этого никто не знает, тебе первому рассказываю: свой стартовый капитал я добыл именно игрой. Не самый надежный способ, но я хотел быстро. Только это и было тогда важно.

— Так мы будем играть? — Изумленно спросил сын.

К этому моменту Артур был почти уверен, что спит и видит сон. Это казалось ему единственным разумным объяснением. Но кости он все-таки выбрал. Ярко-красные деревянные кубики для себя и синие из муранского стекла для отца.

— «Играть» — это громко сказано. Просто бросим кости, каждый свою пару. Если ты везучий, выиграешь. И тогда все у тебя будет хорошо. По крайней мере, я оплачу твою учебу, даже если ты на радостях сменишь свой задрипанный колледж на какое-нибудь модное заведение для начинающих снобов… Где такие есть, не знаешь? Небось в Лондоне.

— Ну да, в частности, — смущенно кивнул Артур.

Он-то, конечно, с самого начала хотел учиться именно в Лондоне. Но губу особо не раскатывал даже до ссоры с родителями, которые, как выяснилось год назад, с какого-то перепугу решили, что их сын должен изучать юриспруденцию, экономику, или еще какую-нибудь муторную хренотень в таком роде, все равно что, лишь бы тошнило.

— Короче, если выиграешь, учись за мой счет где захочешь,

столько лет, сколько понадобится. А если проиграешь, все останется как есть. По-моему, это прекрасное предложение. Ты, в любом случае, ничего не теряешь. Я, впрочем, тоже ничего, кроме денег, но чем меньше их у меня останется, тем проще будет пересчитывать, а мой калькулятор как раз сломался, так что все к лучшему… Хочешь, бросим кости одновременно? Или предпочитаешь по очереди?

— Давай одновременно. Чтобы нервы зря не трепать.

— Согласен.

Красные кубики Артура легли в центре стола. Он выбросил две пятерки. Отец кинул кости с таким азартным размахом, что один синий стеклянный кубик укатился на край стола, а другой и вовсе улетел за его пределы.

— О, да у тебя шикарный дубль, — весело сказал мистер Бринкин. — А у меня? На этом тройка. А на втором? Вряд ли это имеет значение, но все равно интересно.

Он заглянул под стол, поворошил ногой ковер вокруг кресла, наконец достал второй кубик, положил его на стол и пожал плечами.

— Как видишь, шестерка. Но все равно я продул. Ты действительно везучий. Даже слишком. Что и требовалось доказать.

— И что теперь? — настороженно спросил Артур.

Зная отца, он не спешил радоваться. Не человек, а шкатулка с сюрпризами, по большей части, неприятными, всегда так было. Хуже тирана с воображением может быть только тиран с безграничным воображением, а мистер Бринкин, безусловно, принадлежал именно к этой редкой породе.

— Как — что? Мы же договорились. Сейчас позвоню Ларри, попрошу его заняться переводом средств на твой счет. Думаю, к обеду все будет улажено; придется его пригласить, чтобы он передал тебе документы и все объяснил. А дальше живи как хочешь. До сих пор у тебя это худо-бедно получалось, так что не вижу проблем.

— Все так просто? — Артур ушам своим не верил.

— Все и должно быть просто. Ты честно выиграл эти деньги, я честно расплатился. Зачем усложнять? А теперь иди, мне надо работать.

— Спасибо, — растерянно сказал Артур.

— Не за что. Ты мне ничем не обязан. Это твой выигрыш.

— Ну, по крайней мере, ты дал мне шанс выиграть. В смысле, если бы ты не предложил сыграть, я бы не смог выиграть.

— А, ну да, шанс. Но это обычное дело. Отношения между людьми представляют собой бесконечную череду попыток дать

друг другу какой-нибудь шанс, по большей части тщетных… Кстати, знаешь, мне все-таки любопытно, чем ты весь год зарабатывал на учебу. Если это не секрет, конечно.

— Выступал в мужском стриптизе, — выпалил Артур.

Он сам не знал, какой черт дернул его за язык. Зачем дразнить отца в такой момент? Но удержаться было просто невозможно.

— Вот прекрасная иллюстрация к моим словам. Я только что дал тебе шанс соврать, и ты им воспользовался, молодец, — ухмыльнулся мистер Бринкин. — В то же самое время ты дал мне восхитительный шанс поверить в совершенно немыслимую ахинею, но я им, увы, не воспользовался. Объясню, почему. После трех-четырех лет в спортзале у тебя, возможно, появятся минимальные шансы преуспеть в этой благородной профессии, а пока — извини. Впрочем, если хочешь, можешь опробовать свою версию на матери. Небольшая встряска ей не повредит. А теперь прости, я правда очень занят. Так что шанс похвастаться передо мной своими реальными достижениями ты упустил безвозвратно. Но это мы оба, не сомневаюсь, переживем.

Совершенно ошалевший Артур наконец выкатился из кабинета. Его отец запер дверь на ключ, уселся в кресло и фыркнул, как огромный кот, который только что поперхнулся краденой сметаной и еще не успел разобраться, нравится ему это, или нет. «Мужской стриптиз, надо же! — думал он, силясь вообразить тощего долговязого Артура на сцене, в расшитых блестками плавках. — Что у этого ребенка в голове?… Ничего, зато он, кажется, действительно везучий, дубль выкинул, ишь ты! Я его недооценил. Можно было расслабиться и не мухлевать, но кто же знал?»

Мистер Бринкин достал из портсигара черную английскую сигарету с золотым ободком, закурил и взял телефонную трубку.

— Ларри, — сказал он своему старинному приятелю и по совместительству личному адвокату, — ты мне сегодня нужен. Артур приехал. Ну да, да. Именно. Жду тебя в шесть. Поговоришь с ним, отдашь бумаги; если захочешь остаться на обед, Клара будет рада, чем больше жертв, тем приятнее отравителю… Да, только не вздумай рассказать, что я сделал распоряжения еще полгода назад. Мальчик должен быть уверен, что все случилось только сегодня. Это очень важно. Слава богу, он не знает, что за пару часов такие дела не делаются.

* * *

За обеденным столом собралась довольно большая компания. Клара Бринкин, в девичестве Ливингстон, все еще тешила себя надеждой спасти заблудшую сыновнюю душу от сумрачных соблазнов промышленного дизайна и вызвала подкрепление — младшего брата Джонатана, которому почему-то приписывала мистическую способность влиять на племянника. Сам Джонатан на свой счет не обольщался, но прибыл в назначенный час в сопровождении ослепительно рыжей, длинноногой жены Майры, урожденной О'Салливан, и четырех крошечных дочерей, которые немедленно облепили мистера Бринкина. Он, к изумлению окружающих, был их любимцем и, к еще большему изумлению все тех же окружающих, отвечал девочкам полной взаимностью, называл «лисичками», придумывал для них увлекательные игры и завиральные истории и вообще баловал как мог.

Артур, совершенно оглушенный свалившейся на него удачей, сидел, уставившись в белоснежную тарелку, и умирал от желания немедленно нарисовать на ней маки, алый, зеленый и черный. «Надо бы сделать эскиз, — думал он, — взять салфетку и набросать, но в кармане только черный маркер, а эскиз лучше сразу делать в цвете, рисовать контур бессмысленно, здесь важен цвет, а не форма…»

Адвокат Ларри Кроу сидел рядом и тоже умирал от желания, которое всегда испытывал в присутствии Клары, а тут еще ее сын, который с возрастом становился все более точной копией матери, и как, спрашивается, сохранить рассудок в одном помещении с этими двоими?! «Возжелать жену ближнего своего — обычное дело, думал Ларри, — все через это проходят, или почти все, а вот возжелать сына ближнего своего — это уже ни в какие ворота, хоть бы он поскорее уехал, чертов мальчишка, новоиспеченный маленький богач, а то ходить к Бринкиным станет совсем невозможно, и как, интересно, я объясню это Джи Кею?»

Джи Кей Бринкин тем временем с отвращением разглядывал изумрудно-зеленую поверхность супа из протертого шпината и думал: «Удивительное дело, близкие считают меня взбалмошным тираном, а Клару — кротким ангелом, тем не менее, мне бы никогда не пришло в голову подавать шпинатный суп в доме человека, который его ненавидит, а Клара уже столько лет с упорством, достойным лучшего применения, пытается накормить меня этой дрянью. Поразительно. Просто поразительно».

Малышки Ливингстон, надо сказать, взирали на своим тарелки с еще большим отвращением, к которому примешивались удивление и даже испуг. Их можно было понять: девочки видели шпинатный суп впервые в жизни. Мистер Бринкин решил, что обязан прийти им на помощь.

— Вам не нравится этот зеленый суп, лисички? — спросил он. — Тем не менее, это просто замечательный суп. Самый лучший в мире суп, если, конечно, использовать его по назначению.

Он взял салфетку, сложил ее пополам, загнул углы, еще раз сложил, страшным голосом прорычал: «Абракадабра!» — и аккуратно опустил белоснежный бумажный кораблик на гладкую поверхность зеленого шпинатного болота.

— В мире вообще нет плохих вещей, — назидательно сказал он. — Зато есть великое множество вещей, которые используются не по назначению. Вот, к примеру, этот суп. Если мы станем его есть, он покажется нам ужасным. Но посмотрите, какое красивое море из него получилось! Самое время отправиться в плавание.

Если бы ангел-Клара обладала способностью убивать взглядом, мистер Джи Кей Бринкин тут же упал бы замертво. Но, к счастью, она так и не выучилась этому чрезвычайно полезному фокусу, поэтому обошлось без жертв.

Кандидат в покойники, тем временем, смастерил и отправил в плавание второй кораблик. Лисички Ливингстон визжали от счастья. Их мать косилась на побледневшую от злости золовку, прикусив губу, чтобы не расхохотаться. Добродушный Джонатан заранее прикидывал, как будет мирить сестру с мужем, зато на лице Ларри читалось искреннее желание арестовать всех присутствующих, тут же выпустить под залог и немедленно выслать на Аляску в рамках программы защиты свидетелей. Артур вдруг оживился и сказал отцу:

— Погоди. Можно сделать еще красивее.

Оторвал треугольный лоскут от бумажной салфетки, наколол его на деревянную зубочистку, воткнул зубочистку в хлебную корку, и изящный парусник закачался на шпинатных волнах.

— Проект утвержден, с тебя еще три таких же, — кивнул отец. — Дети, вы запомнили, как это делается? — спросил он взволнованных лисичек.

Старшая и самая младшая девочки горячо закивали, их сестры, напротив, отрицательно помотали рыжими головками.

— Артур, будь добр, устрой мастер-класс для юных леди, — распорядился мистер Биркин. — Они должны покинуть наш дом опытными кораблестроителями. И будем считать, что с супом мы разобрались. Можно подавать настоящую человеческую еду.

Клара, опустив голову, разглядывала свою белоснежную скатерть. Скатерть дымилась.

* * *

— А теперь — фейерверк, — объявил мистер Бринкин, отодвигая тарелку с остатками вишневого пирога.

Лисички Ливингстон дружно заверещали от полноты чувств. Взрослые уставились на хозяина дома с нескрываемой тревогой. Никто не сомневался, что он вполне способен запустить петарду прямо из-под стола, а потом сурово отчитать всех присутствующих за неподобающее поведение за обедом.

— Да не здесь, на улице, — ухмыльнулся мистер Бринкин. — Когда Клара сказала, что приедут девочки, я подумал, что дети любят фейерверки, а до Дня Независимости еще далеко, поэтому я позвонил специалистам и обо всем договорился. Фейерверк состоится через полчаса, только для нас, в овраге за ясеневой рощей, поэтому одевайтесь, пошли. Здесь рядом.

— Я, с твоего позволения, останусь дома, — сухо сказала Клара.

— И речи быть не может! — с несвойственной ему горячностью воскликнул муж. — Один залп будет сделан специально в твою честь, и если ты останешься недовольна, я съем свою шляпу, а потом твои новые туфли, на закуску.

— Ну ладно, — удивленно согласилась Клара. — Если тебе кажется…

— Мне кажется! — твердо сказал мистер Бринкин. — Более того, я совершено уверен. Одевайся!

Несколько минут спустя вся компания стояла у парадных ворот, а мистер Бринкин взирал на них с крыльца с видом полководца.

— Ну что, вперед?…

— А ты так и пойдешь? В рубашке, без пиджака? — нерешительно спросила Клара. — Я знаю, что ты никогда не мерзнешь, но вид у тебя, прямо скажем, довольно странный.

Она уже приготовилась к долгому, изматывающему и совершенно бессмысленному спору, но муж неожиданно кивнул.

— Ты совершенно права. Дурацкий вид. Сейчас исправлюсь.

И он скрылся в доме.

— С ума сойти, — вздохнула Клара. — Сразу согласился. Впервые за двадцать лет. Заболел, что ли?

Несколько минут спустя она начала думать, что Джи Кей просто изобрел новый способ ей досадить. Надеть пиджак — секундное дело. Если одеваться очень тщательно, оглядывая себя со всех сторон в зеркале, чего ее муж никогда прежде не проделывал, можно уложиться в две минуты. Так нет же, теперь этот чертов засранец будет надевать свой чертов сраный пиджак чертовы сраные полчаса, исключительно ради удовольствия ей досадить.

Клара была слишком хорошо воспитана, чтобы сказать все это вслух. Но порой ей казалось, она думает так громко, что муж превосходно ее слышит. И если бы только он! Вот и сейчас брат Джонатан сочувственно ей подмигнул.

— Ну что ты дергаешься, сестренка. Это же наш Джи Кей. Как будто ты его первый день знаешь. Сейчас он появится на крыше и невозмутимо скажет, что случайно ошибся дверью. Или вывалится из окна гостиной, притворившись мертвецки пьяным. Или выведет из подвала школьный хор, исполняющий рождественские гимны. Или еще что-нибудь. Сюрприз, сюрприз!.. Да, я понимаю, что тебе изрядно поднадоели сюрпризы.

Клара только передернула плечами. «Наш Джи Кей», подумать только. Брат честно старался оставаться на ее стороне, но она видела, что с годами ему все труднее скрывать возрастающую симпатию к зятю.

Так прошло еще четверть часа. Клара злилась, Джонатан с нетерпением ждал сюрприза, Ларри с досадой смотрел на часы, Артур, который так и не успел сделать вожделенный эскиз, напряженно вглядывался в разноцветные маки, полыхающие перед его внутренним взором, выводок лисичек Ливингстон, включая маму Майру, решил развлечься игрой в пятнашки и теперь с азартными воплями носился вдоль забора.

— Надо бы все-таки поторопить его, — наконец сказал Ларри. — Сам затеял этот фейерверк, а теперь тянет время. Опоздаем, все пропустим. Мне, положим, все равно, а вот дети…

И тут небо над их головами с грохотом взорвалось изумрудно-зелеными, как недоброй памяти шинатный суп, сияющими брызгами. Тут же последовал новый залп, алые огни смешались с зелеными, и, стремительно лиловея, с шипением посыпались на землю.

— Джи Кей говорил, фейерверк будет в овраге, за рощей, а стреляют где-то совсем рядом, — заметил Джонатан.

— Ну а чего еще от него ждать? — пожал плечами Ларри. — Лично я с самого начала был уверен, что мы пойдем куда угодно, только не к оврагу.

В небе, тем временем, происходили поразительные вещи. Жалкая бледная звездочка стремительно разрасталась в огромную огненную спираль; вскоре она погасла, уступив место ультрамариновому дракону, а тот, в свою очередь, превратился в сияющее ярко-алое сердце, которое, миг спустя, разлетелось на несметное число кровавых брызг. Лисички Ливингстон онемели от восторга, чего с ними никогда прежде не случалось.

— Какое сердце! Это, наверное, и был тот самый специальный фейерверк для тебя, Клара, — Джонатан улыбался до ушей.

Клара пожала плечами. Сердце в небе — что за немыслимая пошлятина. Даже для Джи Кея чересчур. А братец — сентиментальный болван, каких еще поискать.

— А дядя Джи Кей сейчас в Волшебной Стране, — шепотом сообщила матери старшая из лисичек. Остальные девочки улыбались до ушей. Перспектива долгой разлуки с любимым дядюшкой их явно не огорчала.

— Почему вы так думаете? — спросила Майра.

— А он говорил, что когда уйдет в Волшебную Страну, мы увидим в небе синего дракона. Это значит, что у него все получилось, — объяснила дочь. Сестры подкрепили ее слова дружными кивками.

— Очень хорошо, — сказала Майра. — Но сперва надо проверить, может быть он все-таки дома? Некоторые люди проводят в Волшебной Стране один час, а возвращаются через сто лет. А некоторые — наоборот. И никогда заранее не знаешь…

«Господи, — подумала она, — вот смеху будет, если Джи Кей действительно исчез!» Однако смешно ей вовсе не было. Скорее жутковато, как в самом начале страшного сна, когда еще ничего особеного не происходит, но уже ясно, что дело плохо, и лучше бы проснуться прямо сейчас.

— Я все-таки схожу за Джи Кеем, — Джонатан не мог слышать, о чем шептались его девочки, но тревога Майры передалась ему, так с ними часто случалось.

— Я с тобой, — сказал Ларри. «Мало ли что», — хотел добавить он, но благоразумно прикусил язык. Чего зря пугать Клару.

— И я, — встрепенулся Артур.

Честно говоря, он просто решил воспользоваться предлогом и добраться наконец до своей комнаты, где лежали вожделенные цветные карандаши. Не видать ему покоя, пока он не нарисует эти чертовы маки, зато потом сразу отпустит, и можно будет заняться другими делами, например, зайти в интернет и еще пару часов побродить по сайтам интересующих его учебных заведений, понять, что требуется для поступления, и сколько у него осталось времени на подготовку. По идее, только об этом и надо сейчас думать, а не о дурацком эскизе, который вряд ли когда-нибудь пригодится, но тут уж ничего не поделаешь, сперва эскиз, потом все остальное. Артур хорошо знал это свое дурацкое свойство и в глубине души ужасно им гордился, полагая такую одержимость отличительным свойством всякого настоящего художника.

* * *

— И эти пропали, — раздраженно заметила Клара несколько минут спустя. — Что они там делают? Пьянствуют, запершись в кладовой, пока мы тут мерзнем?

— Пошли в дом, — предложила Майра. — Фейерверк, вроде, закончился.

И в этот момент небо словно бы раскололось пополам — такой оглушительный грохот сопровождал появление в небе гигантской бабочки, составленной из множества разноцветных огней. Какое-то время она трепыхалась, изменяя цвет и форму крыльев, но постепенно побледнела и с обреченным шипением рассыпалась, запорошив пурпурным пеплом далекий горизонт.

— Я не знаю и знать не хочу, для кого было то дурацкое сердце, — сухо сказала Клара. — Потому что для меня была вот эта бабочка. Теперь все более-менее понятно.

— Бабочка — для меня! — вмешалась одна из лисичек. — Потому что у меня есть карнавальный костюм бабочки, красные крылышки и шапочка с усиками. Для меня!

— Как скажешь, дорогая, — равнодушно согласилась Клара. — Пусть будет для тебя.

— Ты сердишься? — Мягко спросила Майра. — И что тебе понятно? Бабочка — это плохо? Почему?

— У меня, видишь ли, фобия, — Клара перешла на шепот. — Ненавижу этих крылатых тварей, даже на картинке видеть не могу. И Бринкин прекрасно это знает.

Майра открыла было рот, чтобы сказать: «Наверное он просто хотел показать тебе, что все наши страхи столь же недолговечны, как эта бабочка — сверкнула, громыхнула и погасла, нет ее, и больше не будет», — но решила, что лучше промолчать. И пошла в дом.

Как и предполагала Клара, мужчины — Ларри и Джонатан — действительно были в кладовой. Но вместо того, чтобы пьянствовать, внимательно разглядывали дверь черного хода, ведущую в сад.

— Что-то случилось? — с порога спросила Майра.

— Мы не можем найти Джи Кея, — Джонатан развел руками. — Очень уж хорошо он спрятался.

— Или просто вышел из дома, — пожала плечами Клара. — Например, через эту дверь. Или из гостиной на веранду, а оттуда — в сад. Или из любого окна, он же лазает как обезьяна, вы не знали? Вариантов много.

— Конечно, ты права, — как-то чересчур поспешно согласился Ларри.

— Только одна проблема, — почти виновато вставил Джонатан. — Все окна заперты изнутри, мы уже смотрели. И

дверь на веранду — тоже, на задвижку. И даже эта — на крючок. Не очень понятно, как он мог выйти.

— Ну хоть какая-то интрига, — вздохнула Клара. — Пойду, пожалуй, сварю кофе на всех. А девочкам — какао… Не нужно мне помогать, Майра. Прости, дорогая, я просто хочу собраться с мыслями, а для этого лучше побыть одной.

По гостиной с воплями носились маленькие лисички. Посреди этого хаоса восседал Артур с ноутбуком на коленях и такой довольной физиономией, что Майра на него почти рассердилась.

— Ты вообще в курсе, что твой отец пропал? — спросила она.

Артур улыбнулся еще шире.

— Пропал? Кто угодно, только не отец. Не такой он человек. Это все равно что сказать, будто луна пропала, заметив, что ее нет на небе. А она никуда не пропала, просто нам ее не видно, потому что новолуние, или затмение, или еще что-нибудь. Но луна-то при этом по-прежнему где-то есть и чувствует себя превосходно. А нам следует брать с нее пример. И не дергаться по пустякам.

— Так ты знаешь, где Джи Кей? — Майра перешла на заговорщический шепот.

— Понятия не имею. Но в чем я совершено уверен, так это в том, что он в полном порядке.

— Пожалуй, ты прав, — подумав, согласилась Майра. — Я тоже не могу представить Джи Кея в беде. Кстати, девочки совершенно уверены, что он в Волшебной Стране, представляешь? Он им, оказывается, заливал, что туда собирается. И обещал послать весточку в виде синего дракона. И ведь прислал. Ты же видел тот фейерверк?

— А, ну так это, наверное, специально для них спектакль, — почти беззвучно сказал Артур. — Тогда он не объявится, пока вы не уедете домой. А завтра зайдет к вам в гости с подарками, расскажет девчонкам, как гостил у фей, так и будет, попомни мои слова, — и он снова уткнулся в компьютер.

* * *

Он, конечно же, все продумал заранее. Просторная куртка и спортивные штаны, грязные, как помыслы одинокого педофила, давным-давно лежали в кладовой, среди промасленной ветоши и прочего хлама, натащенного сюда несколькими поколениями садовников и шоферов. Все это мистер Бринкин быстро надел прямо поверх брюк и рубашки — лохмотья они и есть лохмотья,

никто не ждет, что тряпье будет элегантно облегать фигуру. Не разуваясь, сунул ноги в огромные тряпичные бахилы на резиновой подошве, которые еще в прошлом году выменял на полбутылки виски у какого-то бродяги в придорожной закусочной, за пять, что ли, сотен миль от дома. Там же, в груде тряпья, отыскал дурацкую шапку с козырьком, способную изменить до неузнаваемости даже самое примечательное лицо. Критически оглядел свое отражение в дверном стекле, остался доволен и дружески ему подмигнул.

— Привет, Джингл-Ко, — сказал мистер Бринкин своему зазеркальному двойнику. — Как же я по тебе скучал!

— Хорош копаться, — ответил он себе высоким, ломким, почти мальчишеским голосом. — Пошли уже отсюда, пока не застукали.

Джингл-Ко открыл дверь черного хода, установил крючок в вертикальной позиции, вышел в сад и коротким, резким, многократно отрепетированным движением захлопнул дверь, одновременно с силой ударив ладонью по косяку. Стук слился с грохотом фейерверка. Крючок послушно упал в петлю. Джингл-Ко удовлетворенно кивнул и неторопливо направился к задней калитке. Дождя давно не было, так что наследить он не боялся, а в возможность появления полицейских с собаками не слишком верил. «Во всяком случае, не сегодня, — думал он. — И не завтра. С моей репутацией можно хоть на год исчезнуть, все будут думать, что это в порядке вещей. И, к тому же, такое облегчение!»

Когда он вышел за ограду, в небе над его головой как раз полыхал синим пламенем дракон, специально, за двойную плату заказанный у пиротехников, на радость лисичкам Ливингстон.

Теперь бывший мистер Джи Кей Бринкин выглядел как безобидный бродяга, слишком грязный, чтобы пробуждать милосердие, слишком жалкий, чтобы вызывать агрессию. И все же был предельно осторожен, выбирался из пригорода тщательно продуманным маршрутом, по самым темным закоулкам и чужим задворкам, прятался от немногочисленных прохожих за мусорными мешками и братски обнимался с огородными пугалами. При первой же возможности свернул с дороги в лес, и уже под утро добрался до сгоревшего чуть ли не полвека назад охотничьего домика, в уцелевшем погребе которого заблаговременно припрятал рюкзак с одеждой, спальный мешок, небольшой запас продовольствия и двести долларов мелкими купюрами. На дорогу этого должно было хватить с лихвой, а больше ничего и не требовалось. Даже черные английские сигареты с золотым ободком были теперь без надобности: в отличие от мистера Бринкина, Джингл-Ко не курил.

* * *

Полтора часа спустя Майра, Джонатан и девочки все-таки поехали домой, Артур взял под мышку ноутбук и отправился в свою комнату, а Клара и Ларри остались в гостиной.

— Ты, пожалуйста, не расстраивайся, — осторожно сказал Ларри. — Уверен, с ним все в полном порядке. Не понимаю, как он вышел из дома, но ты же знаешь Джи Кея.

— Я не расстраиваюсь, я сержусь. Все это выглядит как совершенно ослепительное свинство. Как-то слишком, даже для Бринкина. Перебор. Еще эта гнусная бабочка…

— Какая бабочка?

— Последний фейерверк. А, ты не видел. Неважно.

— Послушай меня внимательно, Клара, — после некоторых колебаний произнес адвокат. — Джи Кей, конечно, меня придушит, если выяснит, что я тебе все разболтал, но мне кажется, ты должна знать.

— Какую еще пакость он затеял? Подготовил бумаги для развода? Придумал, как оставить меня без гроша?

— Вовсе нет. Скорее наоборот. В течение последних месяцев Джи Кей проделал ряд довольно странных, на мой взгляд, операций. Не буду углубляться в подробности, суть в том, что он аккуратно, не привлекая к себе внимания, избавлялся от своего бизнеса. Большую часть освободившихся средств он перевел на твои счета. Кое-что досталось Артуру, сегодня перед обедом я как раз вводил мальчика в курс дела. Кое-что он отложил для племянниц, в подарок к совершеннолетию. Но все это незначительные пустяки по сравнению с твоим нынешним состоянием. Ты удивлена? Я, честно говоря, тоже. Не знаю что и думать.

— Зато я прекрасно знаю, что думать, — внезапно осипшим голосом сказала Клара. — Понятия не имею, как он выбрался из дома и куда потом делся, но мы его больше не увидим, Ларри, помяни мое слово. Никогда.

— Уверен, ты ошибаешься, — возразил адвокат. Однако особой уверенности в его тоне не было.

— Давай-ка лучше выпьем, — вздохнула Клара. — За Джи Кея, чтобы ему пусто было. Очень благородно с его стороны: сперва осточертеть мне как следует и только потом исчезнуть. Настоящий рыцарь. Я его недооценивала.

— В любом случае, если завтра он не объявится, придется сообщить в полицию, — сказал Ларри, принимая из ее рук бокал. — А то хороши мы будем, человек пропал, а мы не чешемся…

— Да уж, придется, пожалуй. Хотя Джи Кей этого бы не одобрил.

* * *

Вмешательство полиции, как и следовало ожидать, не принесло ничего, кроме дополнительных волнений. Следователь с первого взгляда невзлюбил откровенно равнодушную к судьбе мужа Клару, ее малахольного братца, смазливую ирландскую невестку, долговязого сына в недопустимо розовых джинсах и, в особенности, «мутную рыбу» адвоката. Он был совершенно уверен, что эта подозрительная компания, сговорившись, прикончила беднягу Бринкина, но не мог предъявить начальству ни мертвого тела, ни даже мало-мальски внятных мотивов предполагаемого преступления. Ситуацию спасла открытка с видом ночного Парижа, отправленная, впрочем, судя по штемпелю, из Рио-де-Жанейро, примерно через сутки после исчезновения мистера Бринкина. Надпись на открытке гласила: «Мне хорошо, чего и вам желаю». Экспертиза подтвердила, что почерк принадлежит пропавшему, после чего сконфуженный следователь с нескрываемым облегчением отправил дело на полку — до выяснения новых обстоятельств.

Вообще-то Ларри Кроу прекрасно знал, что именно в Рио у Бринкина полно деловых партнеров и просто приятелей; любой из них мог бы отправить заранее подписанную открытку в указанный день, но адвокат благоразумно оставил эту информацию при себе. Ситуация, когда человека, который хочет скрыться, ищут люди, отнюдь не жаждущие его отыскать, представлялась Ларри совершенно абсурдной. Он не желал в этом участвовать.

* * *

Питейные заведения, известные как немаловажная часть современной городской культуры под обобщающим названием «бар на городской окраине», делятся на несколько категорий. Есть бары, в которые просто заходят, полагая их чем-то вроде продолжения собственной гостиной. Бывают бары, куда заглядывают специально за новыми впечатлениями и знакомствами. Некоторые бары посещают, чтобы почувствовать себя героями; их не следует путать с заведениями, куда отправляются нерешительные самоубийцы, в тайной надежде на

быструю, легкую смерть. А есть бары, куда начинают ходить только окончательно махнув на себя рукой. Атмосфера там, как нетрудно догадаться, самая умиротворяющая.

Бар «Дом койота», расположенный на окраине городка Нью-Хуанито, в семи милях от мексиканской границы, по всем признакам, принадлежал к последней категории. Столы и стулья были уже недостаточно хороши, чтобы их можно было предложить в качестве временной обстановки каким-нибудь несчастным погорельцам, но еще не настолько стары, чтобы заинтересовать археологов. Оконные стекла были выбиты так давно, что даже старожилы не могли припомнить, что послужило причиной катастрофы: смерч, перестрелка, или просто пылкая ссора влюбленных. Одноразовые картонные тарелки мыть, конечно, никто не порывался, с них просто стряхивали крошки и снова пускали в дело. Единственный целый, без единой трещины стакан был личной собственностью владельца и хранился под замком на тот случай, если Жирному Джеку придет охота посетить самое безнадежное из своих предприятий. Последний раз это случилось лет пять назад; все остальное время в «Доме койота» безраздельно хозяйничал Белый Хакон. Мать его была шведкой, отец — не то вождем шошонов, не то прямым потомком последнего ацтекского жреца, не то просто бездомным мексиканским бродягой. Хакону нравились все версии, и он с удовольствием их чередовал, а иногда сообщал интересующимся одновременно. Интересующихся, впрочем, находилось немного — гораздо меньше, чем постоянных клиентов, для подсчета поголовья которых вполне можно было обойтись пальцами на руках.

От своих шведских предков Хакон унаследовал бледно-голубые глаза и когда-то рыжие, а теперь соломенно-желтые волосы; индейский вождь, мексиканский бродяга и ацтекский жрец наделили его темно-красной кожей и надменым профилем, уродливым, как иллюстрации к майанским кодексам. Возраст его был одной из немногих неразрешимых загадок, возбуждавших любопытство жителей Нью-Хуанито. Городские патриархи утверждали, будто его мать-шведка умерла от старости еще в ту пору, когда их бабки готовились к свадьбам, остальные делали вид, будто не верят в эту чушь, но про себя думали: всякое бывает, кто его разберет, этого белоглазого, пришел невесть откуда, поселился в хижине давным-давно умершей сумасшедшей старухи, такой же белоглазой, как он сам, и вот, с тех пор прошло уже тридцать с лишним лет, а Хакон все тот же, стоит за стойкой в «Доме койота», улыбается, вроде, приветливо, а все-таки лучше с ним не связываться, все это знают.

В тот день Белый Хакон, как всегда, нес вахту в «Доме койота». Дело шло к полудню, и посетителей в баре не было. В этом время суток их и быть не могло. Поэтому за прилавком Хакон стоял на голове и развлекался созерцанием изумрудных, алых и черных языков пламени, плясавших под его опущенными веками. Это зрелище никогда ему не надоедало.

Услышав скрип расшатанной половицы у входа, бармен неторопливо изменил положение в пространстве, с достоинством выпрямился, положил кулаки на стойку, подбородок — на кулаки и адресовал посетителю самую приветливую из своих фирменных улыбок, ту самую, от которой шарахались не только пьяные подростки, но и видавшие виды пожилые водители грузовиков.

Но посетитель только широко улыбнулся в ответ.

Человек, переступивший порог «Дома Койота», был, можно сказать, негативной копией мистера Бринкина. Солнце до черноты опалило его бледную кожу и выбелило каштановые волосы. Еще светлее была многодневная щетина, без пяти минут борода, которая, удивительным образом, делала своего владельца не старше, как это обычно случается с бородачами, а гораздо моложе.

— А, — сказал Белый Хакон. — Да это же Джингл-Ко. Где тебя носило?

— Я выполнил твое задание, Хакон, — объявил гость. — Все сделал и, как видишь, вернулся.

— Задание? — флегматично спросил бармен. — Какое задание? Я посылал тебя за консервированной фасолью? Или просил увести корову у Люси Лей? Или отправил сторожить камни в Долине Смерти, чтобы не расползались куда попало? Что-то я запамятовал. Давно дело было. Лет двадцать назад.

— Двадцать два года, — уточнил Джингл-Ко. — Ровно двадцать два, день в день. Помнишь, я сказал, что хочу у тебя учиться, а ты сказал, что это не такое простое решение, как может показаться, потому что тогда придется все бросить и идти до конца, а я сказал, не вопрос, было бы что бросать, а ты сказал, вот именно, для того, чтобы все бросить, надо хоть что-то иметь, а пока несерьезный разговор, а я сказал — ну и ладно, подумаешь, вот увидишь, заработаю кучу денег, построю дом, заведу семью, а потом все брошу и приду к тебе, а ты сказал, вот тогда и поговорим, а я…

— Все, хватит. Остановись. Ну и зануда ты, Джингл-Ко, — ухмыльнулся бармен, доставая из-под стойки грязный картонный стакан. — Хочешь колы?